

Мгновения жизни

Валерия Флай

СИНДРОМ ИУДЫ

И ничего не бывает потаенного.

[Мк. 4:22]

Иуда и ныне продолжает целовать
Иисуса Христа.

Парафраз Эрфьорда

Безусловным психологически значимым синдромом, который из века в век терзает человечество, является **предательство**.

Предатель зложелателен, он злоупотребляет доверием. Как указывал знаток русской словесности Вл. Даль, «предатель» – изменник, вероломец, крамольник, лукавый и облыжный человек, душепродавец.

Универсальной социально-психологической стигмой, клеймящей предательство, прежде всего является имя одного из двенадцати апостолов Иисуса Христа – Иуды Искарота. Имя «Иуда» вросло в слово «предатель». Слово «предатель» вросло в имя «Иуда».

Иуда избрал грехи не просветленные ни единой добродетелью. В душе его постепенно созревала воля к предательству, вложенная в него дьяволом: Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искариотом [Лк. 22:3]; вошел в него сатана [Ин. 13:27].

В Евангелие от Матфея читаем: Тогда один из Двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам.

И сказал: что вы дадите мне, и я вам предаю Его? Они предложили ему тридцать сребреников;

И с того времени он искал удобного случая предать Его [Матф. 26:14–16].

Эта история повторяется в Евангелиях от Марка [14:10–11] и от Луки [22:4–6].

Иуда превратил святой поцелуй в стигму, соединив факт предательства с символом любви.

Поцелуй испокон веку выражал приветствие, доверие, приязнь. Поцелуй – приложение уст в знак любви и дружбы. Люди целуют любимых, ближних. Люди целуют крест в знак веры в Бога. Люди целуют родную землю в знак выражения любви к Родине.

Иуда посмел через поцелуй коварно предать Христа, перешагнув через Божественную способность его прощания. И после... вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь делай скорее [Ин. 13:27].

В Евангелиях находим описания предательства Иуды: Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его [Мф. 26:48].

Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно [Мк. 14:44].

Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть [Лк. 22:47].

Предательство Иуды есть соединение зависти Каина, низости Хама с грехом злоупотребления доверием, изменой душепродавца.

Малый ребенок не может предавать – он лишь жалуется на обидчика, он лишь осваивает следствия ябедничества, сплетничания, возведения напраслины, наговора.

Предательство – результат способности к тонкой рефлексии на последствия, сущностное проявление кощунственного ума и низкого, черного сердца.

Я содрогнулась от изощренной оправдывающей преступление рефлексии, когда узнала, что гностическая секта каинитов понимала предательство Иуды Искарота как исполнение высшего служения Богу, необходимого для искупления.

Когда Нильс Рунеберг – член Национального евангелического общества – опубликовал в начале XX столетия свою книгу «Kristus och Judas» (швед. – «Христос и Иуда»), то он оправдывал Иуду Искарота тем, что для опознания Учителя требовалось метафическое предательство – оно как бы заняло свое таинственное место в деле искупления.

Нильс Рунеберг провозглашал: «Слово, воплотившись, перешло из вездесущности в ограниченное пространство, из вечности – в историю, из безграничного блаженства – в состояние изменчивости и смерти; было необходимо, чтобы в ответ на подобную жертву некий человек, представляющий всех людей, совершил равноценную жертву. Этим человеком и был Иуда Искарот. Иуда, единственный из апостолов, угадал тайную божественность и ужасную цель Иисуса. Слово опустилось

до смертного; Иуда, ученик слова, мог опуститься до предателя (самого гнусного преступления, какое ведомо подлости) и до обитателя геены огненной». Так разъяснял Нильс Рунеберг загадку Иуды.

Христианские богословы отвергли доводы Нильса Рунеберга. Его обвинили в незнании или в умолчании о единстве ипостасей. Однако Нильс Рунеберг упорствовал. Он писал, что аскет, ради вящей славы Божией, оскверняет и умерщвляет плоть; Иуда сделал то же со своим духом. Он отрекся от чести, от добра, от покоя, от царства небесного, как другие, менее героические, отрекаются от наслаждения. С потрясающей ясностью он заранее продумал свои грехи. В прелюбодеянии обычно участвуют нежность и самоотверженность; в убийстве – храбрость, в профанациях и кощунстве – некий сатанинский пыл.

Иуда же избрал грехи, не просветленные ни единой добродетелью: злоупотребление доверием и донос. В его поступках, как полагал Нильс Рунеберг, было грандиозное смирение: Иуда считал себя недостойным быть добрым.

Изогранные рефлексии Нильса Рунеберга на внутренний мир Иуды Искарюта обсуждал многоликий и многоумный Хорхе Луис Борхес – аргентинский поэт, писатель, мыслитель, ставший всемирно известным исследователем культуры, философии, религии. Интересуясь собой и всякими другими, разной малостью и космическими явлениями, он провозглашал: «Наша традиция – весь универсум».

Хорхе Луис Борхес не мог не обсуждать идеи предательства и самого предательства Иуды. Анализируя версии предательства Иуды, Хорхе Луис Борхес писал: «Нильс Рунеберг с его исключительной интеллектуальной страстностью, вероятно, возглавлял бы какую-нибудь из гностических общин. Данте, возможно, предназначил бы ему огненную могилу; его имя удлинило бы списки младших ересиархов...».

Нильс Рунеберг с его исключительной интеллектуальной и эмоциональной страстностью, не допуская до своего сознания возможность предательства как такового, поставил перед собой задачу метафизического объяснения ужасного поступка Иуды. Мистификация мотивов поведения апостола-предателя реально не помогает осмыслить диапазон психологии человека. Интеллектуальная и эмоциональная страстность исследователя психологии Иуды порождает парадоксы понимания феномена предательства. Изогранные рефлексии породили причудливый амбивалентный образ Иуды Искарюта.

та: здесь парадоксальным образом совмещаются любовь и предательство.

По ассоциативному ряду мы можем обернуться к Дж. Бруно, который увидел мир как «единое многовидное существо», где все проявления в конечном счете – свойства единого Божественного начала, здесь существует глубокая изначальная связь между всеми противоположностями. Может быть, теория кончетто, изложенная Дж. Бруно, получила свое парадоксальное продолжение в воспаленном сознании Нильса Рунеберга... и он сподобил себя к поиску глубокой изначальной связи между предательством и любовью.

Как ни парадоксально это звучит, но Нильс Рунеберг не одинок в своих допущениях. Марина Цветаева так же как-то записала в своем дневнике: «Предательство уже указывает на любовь». Однако это максималистичное утверждение, сказанное двадцатипятилетней женщиной, было выстроено в одном ряду суждений о любви, претендующих на афористичность.

Я убеждена, что там, где предательство, там нет любви.

Между тем писатели XX столетия как замороженные продолжали делать попытки проникнуть в тайные побуждения Иуды Искарота. Психология предательства стала предметом их исследования.

Леонид Андреев исследовал личность Иуды Искарота, художественными образами домысливая многозначность его натуры.

Юрий Нагибин писал о безусловной любви Иуды к Учителю и о любви Иисуса к Иуде.

Любил ли Иисус Иуду более других? Нет.

Почему Иисус допустил до себя предателя? Это знает только Бог.

Меня же прежде всего интересует сам *синдром Иуды*. Из чего произрастает предательство?

Иуда Искарот Леонида Андреева постоянно лгал. К этому привыкли. «По рассказам Иуды выходило так, будто он знает всех людей, и каждый человек, которого он знает, совершил в своей жизни какой-нибудь дурной поступок или даже преступление. Хорошими же людьми, по его мнению, называются те, которые умеют скрывать свои дела и мысли; но если такого человека обнять, приласкать и выспросить хорошенько, то из него потечет, как гной из проколотой раны, всякая неправда, мерзость и ложь»*.

* Андреев Л. Иуда Искарот. Избранное. Л.: Лениздат, 1984. С. 263.

Согласно Иуде Леонида Андреева, всякий человек несет в себе порок и преступление: достаточно лишь притупить его бдительность – приобнять, приласкать и он откроется тебе во всей своей мерзости и лжи.

Иуда называл имена самых почтенных людей. Некоторые с возмущением спрашивали его:

«– Ну, а твои отец и мать, Иуда, не были ли они хорошие люди?»

Иуда прищуривал глаз, улыбался и разводил руками...

– А кто был мой отец? Может быть, тот человек, который бил меня розгой, а может быть, и дьявол, и козел, и петух. Разве может Иуда знать всех, с кем делила ложе его мать? У Иуды много отцов...». Иуда предавал своих родителей.

Иуда говорил о любви к Иисусу... Признавался в любви и предал.

Не будет конца рассказам о предательстве Иуды. Леонид Андреев заключая историю об Иуде Искарите справедливо сказал: «И все – добрые и злые – одинаково предадут проклятию позорную память его»*. Предателя предадут, подвергнут проклятию.

Я понимаю, когда Данте описывая Ад, в последний пояс девятого круга ввел Иуду Искарита, предателя Иисуса Христа. Здесь среди вечных льдов томятся предатели. Одни души предателей вмерзли стоя, другие – лежа, вверх и вниз головой. Они просвечивают сквозь толщу льда. Меж ними – громадная фигура Люцифера. У него три лица и три рта.

Иуда Искарот (Искарит) наказан тяжелее всех грешников: он обращен головою внутрь средней части Люцифера, и тот не только его грызет, но и сдирает у него со спины вечно обновляющуюся кожу:

Переднему не зубы так страшны,
Как ногти были, все одну и ту же
Сдирающие кожу со спины.

«Тот, наверху, страдающий всех хуже, –
Промолвил вождь, – Иуда Искарот;
Внутрь головой и пятками наружу»**.

Предатель попадает в последний пояс девятого круга. Для Данте предательство – страшнейший из грехов.

* Андреев Л. Там же. С. 316.

** Данте Алигьери. Божественная комедия: Ад / Пер. и коммент. М. Лозинского. СПб.: Вита Нова, 2002. С. 338.

Согласно Новому Завету Иуда еще ждет суда. Само по себе ожидание суда – тягчайшее наказание.

Но я размышляю не только о самом Иуде Искарриоте, а о *синдроме Иуды*, поражающем как страшная болезнь душу человека.

Максимализм – доведение какой-либо позиции до крайности, своеобразная сентенция. Когда изрекается какая-либо позиция, преимущественно морально-оценочного содержания, в изъявительной или повелительной форме, она предполагает прекращение дискуссий и признание сформулированной позиции как максимы, вида афоризма.

Я считаю для себя правильным максималистично заявить: ***предательство – всегда преступление перед собой и перед тем, кого ты предаешь.***

Предательство – синдром того негативного образования в человеке, который был заявлен в текстах Нового Завета и соединен с именем Иуды Искарриота.

Предательство вынашивается и произрастает из добрых и злых, возвышенных и низменных помыслов и чувств человека.

Предательство промышляет лукавым обманом, снискивая доверие лестью и изображением доброжелательства.

Предательство произрастает из сложности рефлексивных особенностей личности человека, из изоциренности вероломного сознания его.

Предательство это не только поступок – оно начинается через зависть или через восхищение, оно может проходить сложный путь рефлексий и душевных мук. Предательство может точить душу и сердце предателя или может быть подавлено и отодвинуто из живой памяти и фонить далеко за ее пределами – в сфере бессознательного.

При этом предатель обычно находит оправдание среди мотивов и поступков, которые он выдвигает до и после совершенного предательства.

Между тем я уверена в том, что нет и не может быть оправдания предательству.

И хотя Иуда, мифологически пребывая в последнем поясе девятого круга дантовского Ада, навечно погружен в холод и боль страшной пасти Люцифера, реально он остается способным прорасти в новых поколениях людей.

Иуда и ныне продолжает целовать в уста Бога.